
ИЛ
Джеймс Грэм
Баллард
Утонувший
великан

Звёздная улица, вилла номер пять

Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Грэм Баллард. Звёздная улица, вилла номер пять

Аннотация

В далеком будущем труд поэта превращается из полумистического искусства в обыкновенное ремесло. Автору нужно только задать параметры будущего творения и компьютер изготовит любое стихотворение, сонет или поэму. Поэты обитающие в Алых Песках, живут спокойной размеренной жизнью, пока там не появляется таинственная и прекрасная Аврора Дей…

Джеймс Грэм Баллард
Звёздная улица, вилла номер пять

Этим летом я жил в Алых Песках, и каждый вечер от дома номер пять по Звёздной улице ветер нёс ко мне через песчаный пустырь безумные стихи моей прекрасной соседки — клубки цветной перфоленты, волочившейся по песку подобно растерзанной паутине. Ночь напролёт они трепетали, цепляясь за опоры террасы, обвивая перила и балясины, а к утру ярко-вишнёвым узором расшивали южную стену виллы, пока я не сметал их прочь.

Однажды, возвратившись с Красного Пляжа, где я провёл три дня, я обнаружил, что вся терраса заполнена гигантским облаком цветных нитей, которые, стоило мне открыть стеклянные двери, ведущие в дом, ворвались в гостиную и оплели всю мебель, словно нежные побеги какой-то необъятной длины лианы. Неделю после этого я повсюду натыкался на обрывки стихов.

Несколько раз я выражал своё недовольство открыто, для чего проходил триста метров через

дюны, чтобы вручить письмо с протестом, но никто так ни разу и не отозвался на мой звонок. Свою соседку я видел лишь однажды — в день её приезда. Она пронеслась по Звёздной улице в огромном «кадиллаке» с откидным верхом, её длинные — как покрывало языческой богини — волосы трепал ветер. Она исчезла, оставив в моей памяти ускользающий образ: стремительный промельк удивлённых глаз на снежно-белом лице.

Я так и не понял, почему она не открыла двери, но заметил, что каждый раз, когда я шёл к её вилле, в воздухе было темно от песчаных скатов, которые со зловещими воплями носились кругами подобно стае растревоженных летучих мышей. В последний мой приход, когда я стоял у чёрной стеклянной двери её дома и упорно давил на кнопку звонка, с высоты прямо к моим ногам рухнул песчаный скат чудовищных размеров.

То был, однако, как я понял позднее, сезон всеобщего безумия в Алых Песках, и именно тогда Тони Сапфайр услышал пение песчаного ската, а мимо меня в «кадиллаке» проехал сам бог Пан.

* * *

Теперь я часто задаю себе вопрос: кем была

Аврора Дей? Яркой кометой проносясь по мирному, безмятежному небу, она являлась каждому обитателю Звёздной улицы в разном обличье. Мне она поначалу казалась просто красавицей неврастеничкой, прячущейся под маской роковой женщины, зато Раймонд Майо увидел в ней взрывающуюся мадонну — загадочный персонаж Сальватора Дали, — невозмутимо наблюдающую за свершением мрачного пророчества. Для Тони Сапфайра и других, сопровождавших её на берегу, она была воплощением самой Астарты, алмазоокой дочери канувших в прошлое тысячелетий.

Ясно помню, как я нашёл первое её стихотворение. После ужина я отдыхал на террасе — главное моё занятие в Алых Песках — и заметил на песке у ограды длинную узкую розовую перфоленту. Чуть дальше обнаружилось ещё несколько таких лент, и с полчаса я наблюдал, как лёгкий ветер несёт и несёт их через дюны. На подъездной аллее виллы номер пять я заметил свет автомобильных фар и заключил, что в доме, пустовавшем уже несколько месяцев, поселился новый жилец.

Наконец любопытство пересилило лень, я перелез через ограду террасы, спрыгнул на песок и поднял розовую ленту. Полоска длиною около метра, нежная, как лепесток розы, оказалась

столь непрочной, что под пальцами расползалась и таяла.

Поднеся ленту к глазам, я прочёл: «Сравню ли с летним днём твои черты? Но ты милей…»

Я разжал пальцы, и лента канула во тьму под террасой. Наклонившись, я бережно поднял ещё один обрывок. На нём тем же витиеватым неоклассическим шрифтом было напечатано: «…пустил корабль по бурным водам божественной стихии океана…».

Я оглянулся. Над пустырём сгустилась тьма, и соседняя вилла в трёхстах метрах от меня светилась как призрачная корона. Фары автомобилей, несущихся к Красному Пляжу, вырывали из мрака гребни песчаных наносов вдоль Звёздной улицы, и кварцевые осколки в них переливались подобно нитям драгоценных бус.

Я снова посмотрел на ленту.

Шекспир и Эзра Паунд? В высшей степени странный вкус. Я пожал плечами и вернулся на террасу.

В последующие дни клубки перфолент продолжали ползти через дюны, причём основная их масса появлялась почему-то к вечеру, когда автомобильные фары подсвечивали эту бесконечную цветную паутину. Я, впрочем, перестал обра-

щать на них внимание — редактировал журнал авангардистской поэзии «Девятый вал», и дом мой был полон перфолент и старых гранок. Не удивило меня и то, что моя соседка оказалась поэтессой. Поэты и художники — большей частью абстрактного толка и не слишком плодовитые — занимали почти все дома в округе. Все мы в той или иной степени страдали пляжным переутомлением — хроническим недугом, обрекающим свои жертвы на нескончаемые солнечные ванны, тёмные очки и послеполуденное безделье на террасах.

Однако время шло, и эти бесконечные ленты начали меня раздражать. Поскольку реакции на мои возмущённые послания не последовало, я отправился на виллу соседки, чтобы встретиться с нею лично. Тут-то с неба и упал умирающий песчаный скат и в последних судорогах едва не вонзил в меня своё жало. Я понял, что повидаться с соседкой мне вряд ли удастся.

Её шофёр — горбун с изуродованной ступнёй и лицом старого фавна — мыл ярко-красный «кадиллак». Я подошёл ближе и показал на пряди перфолент, свисавших из окон первого этажа и покрывавших песок.

— Их ветром заносит на мою виллу, — сказал

я. — Ваша хозяйка, похоже, забывает выключить автоверсификатор.

Он молча смерил меня взглядом, сел за руль и взял с приборного щитка небольшую флейту.

Пока я огибал машину, он принялся играть, извлекая из флейты высокие, пронзительные звуки. Я подождал, надеясь, что он кончит, потом громко сказал:

— Вы можете попросить её закрывать окна?

Он не обращал на меня внимания, даже флейту от губ не оторвал. Я наклонился и собрался было рявкнуть ему прямо в ухо, но в этот момент яростный порыв ветра породил за соседней дюной небольшой песчаный смерч, перекинул его на подъездную аллею, запорошил мне глаза, забил рот. Прикрыв ладонью глаза, я двинулся прочь от виллы. Ленты упорно волочились за мной.

Ветер стих так же внезапно, как поднялся. Пыль улеглась, воздух снова стал неподвижным. Как оказалось, я успел пройти по аллее метров тридцать и теперь, к своему удивлению, увидел, что «кадиллак» и шофёр исчезли, хотя дверь гаража была по-прежнему распахнута.

В голове стоял странный звон. Я злился, мне не хватало воздуха. Я уже готов был вернуться, чтобы выразить своё возмущение — меня не

впустили в дом, оставили у порога во власти свирепого пыльного шквала, — но тут снова услышал тот же свист, предвещавший смерч. Негромкий, но отчётливый, полный какой-то необъяснимой угрозы, звук этот, казалось, подбирался ко мне со всех сторон. Поискав глазами его источник, я заметил, что по обе стороны аллеи с гребней дюн срываются песчаные струйки.

Не теряя времени, я повернулся и быстро пошёл к своей вилле.

Оказавшись в дурацком положении, я обозлился и был полон решимости дать своей жалобе официальный ход. Прежде всего я обошёл вокруг террасы, собрал все перфоленты и сунул их в мусорный контейнер. Потом залез под дом и извлёк оттуда целые клубки этой дряни, запутавшиеся среди столбиков фундамента.

Я наугад просмотрел несколько обрывков. Всё те же случайные куски и фразы из Шекспира, Водсворта, Китса, Элиота. Похоже, что в автоверсе моей соседки был какой-то дефект, и вместо различных вариаций на тему классических образцов поэзии селекторный блок выдавал сами эти образцы, однако в каком-то расчленённом виде. Я даже подумал, не позвонить ли в местное представительство фирмы IBM, чтобы на виллу

пять прислали мастера.

* * *

В тот вечер я наконец встретился со своей соседкой.

Я лёг спать около одиннадцати, но уже через час что-то разбудило меня. Яркая луна плыла высоко в небе за прядями бледно-зелёных облаков, бросая на Звёздную улицу и окрестные дюны слабый, неверный свет. Я вышел на веранду и сразу заметил фосфоресцирующее пятно, которое двигалось между дюнами. Подобно тем странным звукам, которые извлекал из своей флейты шофёр моей соседки, свечение это, казалось, не имело источника, но я всё же принял его за лунный свет, пробивавшийся сквозь узкий разрыв в облаках.

Потом я увидел свою соседку, медленно бредущую по песку. Длинные белые одежды её развевались, и на их фоне плывущие по ветру волосы казались голубоватым оперением райской птицы. У ног её вились обрывки лент, а над головой безостановочно кружили два-три пурпурных песчаных ската. Не замечая их, она шла по ночной пустыне, а за её спиной одиноко светилось окно в верхнем этаже виллы номер пять.

Затянув пояс халата, я прислонился к стол-

бику террасы и тихо наблюдал, простив ей на миг и бесконечные ленты, и шофёра с дурными манерами. Время от времени она исчезала в зеленоватой тени дюны, потом снова появлялась, слегка откинув голову, продолжая идти от бульвара к песчаным холмам, окружавшим пересохшее озеро.

Она была в сотне метров от образованной наносами длинной извилистой сводчатой галереи, когда странная прямизна её пути и размеренность шага навели меня на мысль, что она движется во сне.

Я чуть помедлил, глядя на песчаных скатов, кружащих над её головой, затем перепрыгнул через перила террасы и помчался через дюны.

Острые камешки впивались в босые ноги, но я успел догнать её, когда она уже готова была ступить на кромку песчаного гребня. Замедлив шаг, я пошёл рядом и коснулся её локтя.

В метре над головой шипели и кружились скаты. Странное свечение, которое я до этого принял за отблеск луны, исходило, по всей видимости, от её белого одеяния.

Я ошибся, моя соседка не была сомнамбулой. То не был сон: она шла погружённая в глубокую задумчивость. Чёрные глаза невидяще смотрели

вперёд, белое лицо с тонкими чертами оставалось неподвижным и лишённым выражения, подобно мраморной маске. Взглянув как бы сквозь меня, она сделала отстраняющий жест. Потом внезапно остановилась, посмотрела под ноги и мгновенно очнулась от грёз. Взор её прояснился, и она увидела, что стоит на самом краю обрыва. Невольно она отшатнулась, причём испуг усилил свечение, исходившее от её платья.

Летавшие над головой скаты взмыли вверх и стали описывать более широкие круги.

— Я не хотел вас испугать, — сказал я. — Но вы подошли слишком близко к обрыву.

Она снова отшатнулась, изумлённо подняв тонкие чёрные брови.

— Что? — сказала она неуверенно. — Кто вы? — И вполголоса, как бы прощаясь со своими грёзами, добавила: — О Парис, на мне останови свой выбор, не на Минерве… — Она замолчала и гневно посмотрела на меня. Её пунцовые губы вздрагивали. Она зашагала прочь, унося с собой пятно янтарного света. Над нею едва различимыми тенями раскачивались песчаные скаты.

Я подождал, пока она дошла до своей виллы, и повернул к дому. Опустив глаза, я заметил в одном из её следов, отпечатавшихся на песке,

что-то блестящее. Нагнувшись, я поднял прекрасно огранённый алмаз весом не менее карата и тут же увидел ещё один. Торопливо собрав с полдюжины камней, я хотел было окликнуть её, но почувствовал в руке что-то влажное.

Я разжал пальцы. На ладони, где только что сверкали алмазы, стояла лужица ледяной росы.

На следующий день я узнал наконец, кто моя соседка.

После завтрака я сидел в гостиной и увидел в окно, что к дому сворачивает «кадиллак». Шофёр вылез из машины и, припадая на одну ногу, заковылял к двери. Рукой в чёрной перчатке он сжимал розовый конверт. Я заставил его подождать несколько минут, потом вышел и тут же на крыльце распечатал послание. Шофёр вернулся в машину и сидел там, не выключая мотора. Вот что я прочёл:

«Глубоко сожалею, что была столь резка с Вами прошлой ночью. Вы вторглись в мои мечты, напугали меня. Я хотела бы искупить свою вину и приглашаю Вас на коктейль. Мой шофёр заедет за Вами в полдень.

Аврора Дей»

Я взглянул на часы. Было без пяти двенадцать.

Очевидно, предполагалось, что пяти минут на сборы мне достаточно.

Шофёр внимательно изучал рулевое колесо, проявляя полное равнодушие к моим чувствам. Оставив дверь открытой, я вошёл в дом и надел белый пиджак. В последнюю секунду сунул в карман корректуру «Девятого вала».

Едва я сел, лимузин тронулся и стремительно набрал скорость.

— Давно в Алых Песках? — спросил я, обращаясь к полоске курчавых тёмно-рыжих волос между чёрным воротником и фуражкой.

Шофёр молчал. На Звёздной улице он неожиданно вырулил на встречную полосу и в бешеном рывке обогнал идущий впереди автомобиль.

Я повторил вопрос, подождал немного, затем сильно хлопнул его по обтянутому чёрной материей плечу.

— Ты глухой или просто хам?

Он повернулся ко мне. На миг мне показалось, что зрачки у него красные; наглые глаза смотрели с презрением и нескрываемой яростью. Скривив губы, шофёр излил на меня такой поток свирепых проклятий, что я с отвращением отвернулся.

У виллы номер пять он остановил машину, вышел и открыл для меня дверцу, приглашая под-

няться по чёрным мраморным ступеням. Он был похож на паука, сопровождающего маленькую мушку к чрезвычайно вместительной паутине.

Едва я вошёл в дом, шофёр тут же исчез. Я миновал мягко освещённый холл и очутился у бассейна с фонтаном. В воде бесконечными кругами ходили белые карпы. За бассейном в шезлонге сидела моя соседка. Длинная юбка её белого одеяния веером лежала на полу. В брызгах фонтана огоньками вспыхивало драгоценное шитьё.

Я сел. Она с любопытством взглянула на меня и отложила в сторону изящный томик в жёлтой телячьей коже — по-видимому, заказное издание сборника стихов. На полу у её ног было разбросано множество других книг, в которых я узнавал недавно вышедшие поэтические антологии.

У окна из-под занавесей выглядывали цветные обрывки перфолент, и я, взяв бокал с разделяющего нас низкого столика, огляделся вокруг, ища глазами автоверс.

— Читаете много стихов? — спросил я, указывая на книги.

Она кивнула:

— Да, пока сил хватает.

Я засмеялся.

— Понимаю вас. Мне, например, приходится

читать куда больше, чем хотелось бы. — Я вынул из кармана корректуру «Девятого вала» и протянул ей. — Вам знаком этот журнал?

Она глянула на титульную страницу с видом настолько мрачным и пренебрежительным, что я задумался, зачем она вообще меня пригласила.

— Знаком. Он ужасен, не правда ли? «Пол Рэнсом», — прочла она. — Это вы? Вы — редактор? Как интересно…

Она произнесла это с какой-то особенной интонацией, словно размышляя, как ей следует поступить теперь. С минуту она задумчиво смотрела на меня. Казалось, она борется сама с собой. Степень её осведомлённости обо мне резко изменилась. На застывшем, как маска, лице я видел проблески интереса, то вспыхивающие, то слабеющие, словно меняющийся уровень яркости на киноплёнке плохого качества.

— Что ж, расскажите мне о своей работе, — попросила она. — Вам должно быть хорошо известно, что стряслось с современной поэзией. Почему она так дурна?

Я пожал плечами.

— Тут, по-видимому, всё дело во вдохновении. Я и сам писал когда-то, и немало. Но желание сочинять растаяло, когда я смог купить автоверс.

Раньше поэту приходилось всю жизнь без остатка посвящать овладению мастерством. Теперь техника версификации сводится к нажатию нескольких клавиш, которыми задаются размер, рифмы, аллитерации, — и нет нужды в самопожертвовании, нет нужды в изобретении идеала, этой жертвы достойного…

Я остановился. Она смотрела на меня очень внимательно, даже насторожённо.

— Я читал немало и ваших стихов, — сказал я. — Может быть, моё замечание покажется вам неуместным, но мне кажется, ваш автоматический версификатор барахлит.

Глаза её гневно сверкнули, и она отвернулась.

— У меня нет этих мерзких машин. Боже правый, неужели вы думаете, что я могла бы ими пользоваться?

— Тогда откуда все эти перфоленты? — спросил я. — Их приносит ко мне каждый вечер. На них стихи.

— В самом деле? — сказала она небрежно. — Право, не знаю. — Она посмотрела на пол, на книги, разбросанные вокруг. — Я никогда и не думала писать стихи — обстоятельства вынудили меня. Ведь надо же спасти гибнущее искусство.

Я был окончательно сбит с толку. Насколько

я помнил, большая часть стихотворений, занесённых ветром ко мне на виллу, давным-давно написана.

Аврора подняла глаза и улыбнулась.

— Я пришлю вам кое-что, — сказала она.

* * *

Первая партия прибыла следующим утром. Стихи привёз шофёр в красном «кадиллаке». Они были напечатаны изящным шрифтом на роскошной бумаге ин-кварто и украшены бантом. Обычно стихи мне присылают по почте в виде рулона перфоленты, так что получить столь красиво оформленную рукопись было, безусловно, приятно.

Сами стихи, впрочем, оказались отвратительными. Их было шесть: два сонета в духе Петрарки, одна ода и три вещицы подлиннее, написанные свободным стихом. Все они пугали и одновременно напускали тумана — как вещий бред безумной колдуньи. Их общий смысл вызывал странную тревогу, рождённую не столько содержанием, сколько явно ощутимым расстроенным рассудком автора. По-видимому, Аврора Дей полностью замкнулась в своём личном мирке, который воспринимала с абсолютной серьёзностью.

Я заключил, что передо мной просто богатая неврастеничка, без всякой меры потакающая собственным фантазиям.

Я просмотрел присланные листки, источавшие запах мускуса. Где она откопала этот забавный стиль, эту архаику? «Восстаньте, земные пророки, и к древним извечным следам обеты свои приносите…» В некоторых метафорах чувствовалось влияние Мильтона и Вергилия. Стихи напоминали чем-то гневные тирады прорицательницы из «Энеиды», которыми она выстреливала всякий раз, когда Эней пытался передохнуть.

Я всё ещё ломал голову над тем, что мне делать со стихами (вторую порцию шофёр доставил следующим утром ровно в девять), когда Тони Сапфайр пришёл помочь мне управиться с очередным номером журнала. Большую часть времени он проводил у себя в Лагун-Уэсте за составлением программы автоматического романа, но дня два в неделю отдавал «Девятому валу».

Когда он вошёл, я проверял цепочки внутренних рифм в цикле сонетов Зиро Париса, изготовленных на автоверсе фирмы IBM. Пока я колдовал с таблицей контроля рифмовочной матрицы, Тони взял со стола розовые листки со стихами Авроры.

— Восхитительный аромат, — заметил он, помахивая листками. — Неплохой способ расположить к себе редактора. — Он прочёл несколько строк, нахмурился и положил листки на прежнее место. — Из ряда вон. Что это?

— Я и сам толком не знаю, — сказал я. — Какое-то «эхо в саду камней».

Тони прочёл подпись в конце последней страницы.

— «Аврора Дей». Верно, новая подписчица. По-моему, она спутала «Девятый вал» с «Автоверс таймс». Ты только послушай: «Ни оды, ни псалмы, ни шелуха словес не воздадут хвалы царице ночи…» Что всё это значит?

Я улыбнулся. Подобно остальным современным писателям и поэтам, он так много времени провёл перед своим автоверсом, что совершенно позабыл о временах, когда стихи писались вручную.

— По всей видимости, это стихи.

— Ты хочешь сказать, она сама их написала? — спросил он.

Я кивнул.

— Именно сама. Этим способом очень широко пользовались две или три тысячи лет. Он был в ходу у Шекспира, Мильтона, Китса и Шелли — и

неплохо получалось.

— Но сейчас он совершенно не пригоден, — сказал Тони, — Во всяком случае, с тех пор как изобрели автоверс. Особенно если в твоём распоряжении высокопроизводительная цифро-аналоговая система IBM. Взгляни-ка сюда — до чего похоже на Элиота. Такое всерьёз не напишешь.

— Да, похоже, девица морочит мне голову.

— Девица? Да ей лет сто, и она давно тронулась. Весьма прискорбно. Впрочем, в этом безумии может быть какой-то смысл.

— Вернёмся к делу, — сказал я. В сатирической стилизации Зиро под Руперта Брука недоставало шести строк. Тони ввёл в автоверс эталонную ленту, установил метр, схему рифмовки, словарные детерминанты и включил процессор. Когда из принтера поползла лента с готовым текстом, он оторвал шесть строк и протянул мне. Я даже читать не стал — сразу вклеил в макет.

Часа два мы работали не разгибая спины. Завершив тысячу строк, уже в сумерках, мы прервались, чтобы промочить горло. Мы перешли на террасу, залитую холодным вечерним светом, и расположились в креслах, любуясь тающими красками заката и слушая, как во тьме, сгустившейся над виллой Авроры Дей, кричат песчаные

скаты.

— Что это у тебя за перфоленты везде валяются? — спросил Тони. Он ухватился за одну, подтащил к себе целый клубок и положил его на стеклянный столик.

— «…ни псалмы, ни шелуха словес не воздадут…» — Дочитав строку, он разжал пальцы, и ветер унёс ленту прочь. Тони, прищурившись, смотрел туда, где за покрытыми тенью дюнами стояла вилла номер пять. Как обычно, единственный огонёк в одной из комнат второго этажа слабо освещал паутину перфолент, влекомых по песку к моему дому.

Тони кивнул.

— Так вот где она живёт.

Он взял другую ленту, обвившую перила и трепещущую на ветру у его локтя.

— Знаешь, старина, — сказал он, — по-моему, ты в осаде.

Тони был прав. Обстрел всё более туманными и эксцентричными стихами продолжался день за днём, причём всегда в два приёма: первую партию шофёр привозил ровно в девять каждое утро, вторая сама прилетала ко мне через дюны с наступлением сумерек. Строки из Шекспира и Паунда больше не появлялись; ветер приносил

варианты стихотворений, которые утром доставлялись на машине, — то были, похоже, черновые наброски. Тщательное изучение лент подтвердило: Аврора Дей не пользуется автоверсом. Столь нежный материал не мог пройти через скоростной печатающий механизм компьютера, и буквы на ленте были не отпечатаны, а нанесены каким-то неизвестным мне способом.

Ежедневно, прочитав свежие поступления, я аккуратно складывал стихи Авроры в средний ящик стола. Наконец, накопив недельную порцию, я вложил её в конверт, надписал адрес — «Авроре Дей, дом 5, Звёздная улица, Алые Пески» — и сопроводил отказ тактичной запиской, где выражал уверенность, что автор стихов испытает более полное удовлетворение, если увидит свои произведения опубликованными в любом другом из многочисленных поэтических альманахов.

В ту ночь мне приснился весьма неприятный сон — первый из целой череды столь же скверных сновидений, ожидавших меня впереди.

Наутро я сварил крепкий кофе и стал ждать, когда мои мысли прояснятся. Я вышел на террасу, гадая, что могло породить дикий кошмар, который мучил меня всю ночь. Вот уже несколько лет мне ничего не снилось: крепкий сон без

сновидений — одна из приятнейших особенностей здешней жизни. Внезапность ночного бреда озадачила меня — неужели Аврора Дей, вернее сказать, безумные её стихи овладели моим сознанием в большей степени, чем я предполагал?

Головная боль не утихала довольно долго. Я откинулся в кресле, глядя на виллу Авроры Дей. Окна закрыты, жалюзи спущены, маркизы убраны — тайна за семью печатями. «Кто она, — спрашивал я себя, — и чего добивается?»

Через пять минут от виллы отъехал «кадиллак» и покатил по Звёздной в мою сторону. Неужели опять стихи! Воистину эта женщина не знает усталости. Я встретил шофёра на крыльце и принял из его рук запечатанный конверт.

— Послушайте, — сказал я ему доверительно, — я бы очень не хотел мешать развитию нового поэтического дарования, но вы… не могли бы вы использовать ваше влияние на хозяйку и, как бы это лучше выразиться… — Я сделал паузу, давая ему время уловить смысл услышанного, потом добавил: — Между прочим, этот бесконечный хлам начинает мне порядком действовать на нервы.

Шофёр оглядел меня красными хитрыми глазками, повёл крючковатым носом и скривил губы

в жуткой ухмылке. Печально покачав головой, он заковылял к машине.

«Кадиллак» тронулся, и я вскрыл конверт. В нём оказался один-единственный листок.

«Мистер Рэнсом!

Ваш отказ принять мои стихи поразил меня. Настоятельно рекомендую Вам пересмотреть своё решение — дело серьёзное. Стихи должны быть опубликованы в следующем номере журнала.

Аврора Дей»

В ту ночь мне вновь снились кошмары.

Очередная подборка стихов была доставлена, когда я ещё лежал в постели, пытаясь вернуть себе ощущение реальности. Встав, я приготовил большой бокал «мартини», не обращая внимания на конверт, торчащий в дверях подобно бумажному наконечнику копья.

Успокоившись, я вскрыл конверт и пробежал глазами три коротких стихотворения.

Они были ужасны. Как убедить Аврору в том, что у неё напрочь отсутствует поэтический дар? Держа в одной руке бокал, в другой листки со стихами, я, не отрывая глаз от строчек, побрёл на террасу и рухнул в кресло.

И тут же с воплем подскочил, выронив бокал.

Подо мною было нечто большое и пористое, величиною с подушку, но с неровными твёрдыми краями.

Я посмотрел вниз и увидел огромного мёртвого ската — он лежал посередине кресла. Белое жало, не утратившее ещё грозной силы, высовывалось из сумки над черепным гребнем на добрый дюйм.

В ярости стиснув зубы, я пошёл в кабинет и сунул стихи в конверт вместе со стандартным уведомлением об отказе в публикации, на котором сделал приписку: «К сожалению, абсолютно неприемлемо. Пожалуйста, обратитесь к другому издателю». Через полчаса я уже ехал к Алым Пескам, где отнёс пакет на почту. Вполне довольный собой, я вернулся на виллу.

Днём на правой щеке у меня вырос гигантский фурункул.

На следующее утро выразить свои соболезнования явились Тони Сапфайр и Раймонд Майо. Оба решили, что я чересчур упрям и педантичен.

— Напечатай одно стихотворение, — сказал Тони, садясь у изножья кровати.

— Ни за что! — Я смотрел через дюны на виллу соседки. Ни души — лишь изредка придёт в движение створка окна, рождая яркий солнечный

зайчик.

Тони пожал плечами.

— Стоит тебе принять хоть одну её вещь, и она отстанет.

— Ты уверен? — спросил я резко. — По-моему, у неё в запасе не меньше десятка эпических поэм, а то, что она пока прислала, — только цветочки.

Раймонд Майо подошёл к окну, надел тёмные очки и уставился на виллу номер пять. Выглядел он ещё более франтоватым, чем обычно, — тёмные волосы гладко зачёсаны, поворот головы рассчитан на неотразимый эффект.

— Вчера я видел её на психо-шоу, — задумчиво сказал он. — Она сидела совершенно одна в ложе. Выглядит потрясающе. Дважды прерывали представление. — Он покивал собственным мыслям. — В ней есть что-то неопределённое, неотчётливое — она напоминает «Космогоническую Венеру» Сальватора Дали. Глядя на неё, начинаешь с особой силой понимать, до чего кошмарные существа женщины. На твоём месте я сделал бы всё, что она требует.

Я выпятил челюсть и упрямо покачал головой.

— Уходите, — сказал я. — Вы, авторы, всегда с презрением смотрите на редактора, но кто пасует первым, когда дело принимает дурной оборот?

Нет, я не сдамся. Мой опыт, моя воля подскажут мне выход из создавшегося положения. Эта безумная неврастеничка пытается околдовать меня. Думает, что полчищами дохлых скатов, фурункулами и ночными кошмарами сведёт меня с ума, заставит прекратить сопротивление.

Покачав головой и осудив моё упорство, Тони и Раймонд ушли.

Через два часа фурункул исчез столь же загадочным образом, как и появился. Не успел я поразмыслить о причинах этого события, как пикап привёз из типографии пятьсот экземпляров свежего номера «Девятого вала».

Перетащив коробки в гостиную, я вскрыл одну из них, не без удовольствия вспоминая о твёрдом намерении Авроры Дей опубликовать свои стихи в этом номере. Откуда ей было знать, что последние полосы я передал в типографию за два дня до того, как она об этом своём намерении заявила, так что при всём желании я не смог бы пойти ей навстречу.

Открыв журнал, я обратился к редакционной статье — то была очередная работа в моей серии исследований прискорбного состояния современной поэзии. Но вместо привычного десятка абзацев, набранных нормальным скромным

шрифтом, мне бросилась в глаза строка гигантского курсива:

ПРИЗЫВ К ВЕЛИЧИЮ!

Поражённый, я глянул на обложку — тот ли журнал мне прислали — и стал лихорадочно перелистывать страницы.

Первое стихотворение я узнал сразу. Оно было отвергнуто мной двумя днями раньше. Следующие три я также видел и не принял. Затем шли вещи, совершенно мне неизвестные и подписанные Авророй Дей. Они занимали место стихов, отправленных мною в типографию.

Весь номер был подложным! В нём не осталось ни одного стихотворения из первоначальной корректуры, всё было свёрстано заново. Я кинулся в гостиную и просмотрел ещё с десяток экземпляров. Все они были одинаковы.

Через десять минут я отнёс все три коробки к мусоросжигателю, свалил их в топку, облил бензином и бросил горящую спичку в центр погребального костра. Одновременно та же операция была проделана в типографии с оставшейся частью пятитысячного тиража. Каким образом произошла ошибка, мне так и не смогли объяснить. Нашёлся экземпляр рукописи на той

же роскошной бумаге с инициалами Авроры Дей, но с редакторской правкой, причём моим почерком! Мой же собственный экземпляр исчез, и вскоре работники типографии заявили, что они вообще его не получали.

Когда мощное пламя взметнулось к палящему солнцу, сквозь густой бурый дым я заметил внезапную вспышку активности в доме моей соседки. Распахнулись окна под натянутыми маркизами, по террасе суетливо забегал горбатый шофёр. Аврора Дей, в белых одеждах, серебристым облаком окутывавших её фигуру, стояла на плоской крыше виллы и смотрела вниз, на меня. Виною ли тому добрая порция «мартини», выпитая с утра, фурункул, недавно украшавший мою щёку, или запах бензина, не могу сказать наверное, но, пытаясь вернуться в дом, я вдруг зашатался, сел на верхнюю ступеньку крыльца, закрыл глаза и почувствовал, что теряю сознание.

Через несколько секунд я очнулся. Упёршись локтями в колени, я напряжённо всматривался в ступеньку под ногами. На её синей прозрачной поверхности были вырезаны чёткие буквы:

Почему ты так бледен,
возлюбленный мой безрассудный,

Ответь мне, молю, почему?

С чувством естественного возмущения этим актом вандализма я поднялся на ноги и вынул из кармана халата ключ от двери. Вставляя его в скважину, я заметил надпись на бронзовой накладке замка:

Ключ поверни осторожно
В смазанных жиром запорах.

Чёрная кожаная обивка двери была испещрена надписями. Изящные строки пересекались без всякой системы, образуя прихотливый рисунок, напоминающий филигранный орнамент старинного подноса.

Прикрыв за собою дверь, я вошёл в гостиную. Стены казались темнее обычного, и я увидел, что вся их поверхность покрыта рядами искусно вырезанных букв — бесчисленные строки стихов бежали от пола до потолка. Я взял со стола бокал и поднёс его к губам. По голубому хрусталю к основанию бокала спускалась змейка тех же каллиграфических букв:

О, выпей меня без остатка очами…

Стол, абажуры, книжные полки, клавиши рояля, стерео-пластинки — всё в комнате было густо

покрыто письменами.

Я зашатался, поднял руку к лицу и ужаснулся: вытатуированные строки, как обезумевшие змеи, обвили кисть и предплечье. Уронив бокал, я бросился к зеркалу, висящему над камином, и увидел своё лицо, покрытое такой же татуировкой, — живую рукопись, в которой под невидимым пером на моих глазах буквы рождались и складывались в стихи:

Прочь, змеи с раздвоенным жалом разящим,

Прочь, сети плетущее племя паучье…

Я отпрянул от зеркала, выбежал на террасу, оскальзываясь на кучах цветных лент, занесённых вечерним ветром, и перемахнул через перила. В считанные секунды добежал я до виллы номер пять, промчался по темнеющей аллее и оказался перед чёрной парадной дверью. Не успел я коснуться звонка, как дверь открылась, и я ввалился в знакомый коридор.

Аврора Дей ожидала меня, сидя в шезлонге у бассейна. Она кормила древних белых рыб, сгрудившихся у стенки. Когда я подошёл, она тихо улыбнулась рыбам и что-то прошептала им.

— Аврора! — закричал я. — Сдаюсь! Ради бо-

га, делайте что хотите, только оставьте меня в покое!

Какое-то время она продолжала кормить рыб, как бы не замечая меня. Жуткая мысль промелькнула в моём мозгу: эти огромные белые карпы, что тычутся в её пальцы, — не были ли они некогда любовниками Авроры?

Мы сидели в светящихся сумерках. За спиной Авроры на пурпурном полотне Сальватора Дали «Упорство памяти» играли длинные тени. Рыбы неторопливо кружили в бассейне.

Она выдвинула условия: полный контроль над журналом, право диктовать свою политику, отбирать материал для публикации. Ни одна строчка не может быть напечатана в «Девятом вале» без её согласия.

— Не беспокойтесь, — сказала она небрежно. — Наше соглашение распространяется только на один выпуск.

К моему удивлению, она не выказала никакого желания напечатать собственные стихи — пиратская акция с последним номером журнала была лишь средством поставить меня на колени.

— Вы думаете, одного выпуска будет достаточно? — спросил я, стараясь понять, чего же она добивается.

Аврора лениво подняла глаза, рассеянно водя пальцем с зелёным лаком по зеркалу бассейна.

— Всё зависит от вас и ваших коллег. Когда наконец вы образумитесь и снова станете поэтами?

Узор на воде каким-то чудом оставался видимым, не расплывался.

За те часы, похожие на тысячелетия, что мы провели вместе, я рассказал Авроре всё о себе, но почти ничего не узнал о ней. Лишь одно было ясно — она одержима поэзией. Каким-то непостижимым образом она считала себя лично ответственной за упадок, в который пришло это искусство, но предлагаемое ею средство возрождения поэзии, как мне казалось, привело бы к обратному результату.

— Вам непременно нужно познакомиться с моими друзьями, приезжайте к нам, — сказал я.

— Обязательно, — ответила Аврора. — Надеюсь, что смогу им помочь — они многому должны научиться…

Я только улыбнулся.

— Боюсь, у них на этот счёт мнение иное. Почти все они считают себя виртуозами. Для них поиски идеальной формы сонета закончились много лет назад — компьютер других не производит.

Аврора презрительно скривила губы.

— Они не поэты, а просто инженеры. Взгляните на эти сборники так называемой поэзии. На три стихотворения — шестьдесят страниц программного обеспечения. Сплошные вольты и амперы. Когда я говорю об их невежестве, я имею в виду незнание собственной души, а не владение техникой стихосложения, я говорю о душе музыки — не о её форме.

Аврора умолкла и потянулась всем своим прекрасным телом — так расправляет свои кольца удав, — потом наклонилась вперёд и заговорила очень серьёзно:

— Не машины убили поэзию — она мертва потому, что поэты не ищут более источника истинного вдохновения.

— Что есть истинное вдохновение? — спросил я.

Она грустно покачала головой:

— Вы называете себя поэтом — и задаёте такой вопрос?

Пустым, равнодушным взглядом она смотрела в бассейн. Лишь на короткое мгновение на лице Авроры отразилась глубокая печаль, и я понял, что ею владеет горькое чувство вины, ощущение беспомощности — будто какое-то её упущение

явилось причиной столь тяжкого недуга, поразившего поэзию. И тут же мой страх перед нею рассеялся.

— Вам приходилось слышать легенду о Меландер и Коридоне? — спросила Аврора.

— Что-то знакомое, — сказал я, напрягая память. — Меландер была, кажется, музой поэзии. А Коридон… Не придворным ли поэтом, убившим себя ради неё?

— Неплохо, — сказала Аврора. — Кое-что вы всё-таки знаете. Да, в один прекрасный день придворные поэты утратили вдохновение и прекрасные дамы отвергли их, отдав предпочтение рыцарям. Тогда поэты отыскали Меландер, музу поэзии, и та сказала, что наложила на них заклятье, ибо они стали слишком самонадеянными и поза были, кто является источником поэзии. Нет, нет, запротестовали поэты, они, конечно же, ни на миг не забывали о музе (наглая ложь), но Меландер отказалась им верить и заявила, что не вернёт им поэтической силы до тех пор, пока кто-либо из поэтов не пожертвует ради музы собственной жизнью. Никто, естественно, не захотел принести себя в жертву — за исключением молодого и очень одарённого Коридона, который любил Меландер и был единственным,

кто сохранил свой дар. Ради остальных поэтов он убил себя…

— …к безутешной скорби Меландер, — закончил я. — Муза не ожидала, что он отдаст жизнь ради искусства. Красивый миф. Но здесь, боюсь, вы Коридона не найдёте.

— Посмотрим, — тихо сказала Аврора. Она поболтала рукой в бассейне. Отражённые разбившимся зеркалом воды блики упали на стены и потолок, и я увидел, что гостиную опоясывает фриз в виде целой серии рисунков, а сюжеты их взяты из той самой легенды, которую только что рассказала Аврора Дей. На первом, слева от меня, поэты и трубадуры столпились вокруг богини — высокой женщины в белом одеянии, удивительно похожей на Аврору. Скользя взглядом по фризу, я получил подтверждение ещё более разительного сходства хозяйки виллы и музы и пришёл к выводу, что Меландер художник писал с Авроры. Не отождествляла ли она себя с мифологической богиней и во всём остальном? И кто в таком случае был её Коридоном? Не сам ли художник? Я вгляделся в рисунки. Вот он, покончивший с собой поэт, — стройный юноша с длинными белокурыми волосами. Я не понял, кто служил моделью, хотя что-то знакомое было в его

лице. Зато другой персонаж — он присутствовал на всех рисунках, занимая место позади главных фигур, — не вызывал у меня сомнений: то был шофёр с лицом старого фавна. Здесь — на козлиных ногах и со свирелью — он изображал Пана.

Я обнаружил было знакомые черты и у других персонажей, но тут Аврора заметила, что я слишком внимательно рассматриваю фриз. Она вынула руку из бассейна, вода снова застыла. Блики света угасли, и рисунки утонули во мраке. С минуту Аврора пристально смотрела на меня, как бы вспоминая, кто я такой. Печать усталости и отрешённости легла на прекрасное лицо — пересказ легенды, по-видимому, пробудил в глубинах её памяти отзвуки некогда пережитых страданий. Потемнели, стали мрачнее коридор и застеклённая веранда, как бы отражая настроение хозяйки дома, — присутствие Авроры имело такую власть над окружающим, что казалось, сам воздух бледнел, когда бледнела она. И снова я почувствовал, что её мир, в который я невольно вступил, был целиком соткан из иллюзий.

Аврора уснула. Всё вокруг погрузилось в полутьму. Померк свет, исходивший от бассейна. Хрустальные колонны утратили блеск, погасли и стали невзрачными тусклыми столбами. Лишь

на груди Авроры светилась драгоценная брошь в форме цветка.

Я встал, неслышно подошёл ближе и заглянул в это странное лицо — гладкое и серое, как лица египетских изваяний, застывших в каменном сне. У двери замаячила горбатая фигура шофёра. Козырёк надвинутой на лоб фуражки скрывал его лицо, но впившиеся в меня насторожённые глазки горели, как два уголька.

Когда мы вышли, сотни спящих скатов усыпали залитую лунным светом пустыню. Осторожно ступая между ними, мы добрались до машины. «Кадиллак» бесшумно тронулся.

Приехав к себе, я сразу же направился в кабинет, чтобы приступить к монтажу следующего номера. Ещё в машине я быстро прикинул в уме основные темы и систему ключевых образов для введения информации в автоверсы. Все компьютеры были запрограммированы для работы в режиме максимального быстродействия, так что через сутки я смог бы получить целый том меланхолически безумных, напичканных лунным бредом дифирамбов, которые потрясли бы Аврору своей искренностью, безыскусностью и одухотворённостью.

Переступив порог кабинета, я споткнулся обо

что-то острое. Я нагнулся в темноте и обнаружил, что это кусок печатной платы с компьютерной схемой, буквально вбитый в белое кожаное покрытие пола.

Включив свет, я увидел, что кто-то в диком приступе ярости разбил все три моих автоверса, превратив их в бесформенную груду обломков.

Эта участь постигла не только мои компьютеры. Утром, когда я сидел за столом, созерцая три погубленных аппарата, зазвонил телефон, и я узнал, что подобные проявления вандализма имели место по всей Звёздной улице. В доме Тони Сапфайра разнесли вдребезги пятидесятиваттный автоверс фирмы IBM. Четыре совершенно новых компьютера фирмы «Филко», принадлежащих Раймонду Майо, были разворочены до такой степени, что о ремонте и думать не приходилось. Насколько я мог понять, во всей округе не осталось ни одного целого экземпляра. Накануне между шестью вечера и полуночью кто-то стремительно прошёл по Звёздной улице, проник на виллы и в квартиры и старательно уничтожил все автоверсы до единого.

Я знал, кто это сделал. Вернувшись от Авроры и вылезая из «кадиллака», я заметил на сиденье рядом с шофёром два тяжёлых гаечных ключа.

Однако я решил не заявлять в полицию. Проблема выпуска очередного номера «Девятого вала» выглядела теперь практически неразрешимой. Позвонив в типографию, я выяснил, что — как этого и следовало ожидать — все стихи Авроры таинственным образом исчезли.

Было совершенно неясно, чем заполнить номер. Пропусти я хоть один месяц — и подписчики растают как привидения. Я позвонил Авроре и изложил ситуацию:

— В нашем распоряжении не более недели. Если мы не успеем, все контракты будут расторгнуты и я никогда не верну доверие подписчиков. Возмещение им стоимости подписки меня вконец разорит. Я обращаюсь к вам как к новому главному редактору — что вы можете предложить?

Аврора усмехнулась.

— Не думаете ли вы, что я могу каким-то чудом починить все эти сломанные машины?

— Вообще-то хорошо бы, — сказал я, приветственно махнув рукой вошедшему Тони Сапфайру. — В противном случае мы не сможем выпустить номер.

— Не понимаю вас, — сказала Аврора. — Ведь есть же очень простой выход.

— В самом деле? Какой же?

— Напишите стихи сами.

Прежде чем я успел возразить, в трубке раздался резкий смех.

— По-моему, в Алых Песках живёт около двадцати трёх физически крепких рифмоплётов, так называемых поэтов. — Именно столько домов подверглись нападению накануне. — Так пусть эти «поэты» и займутся своим прямым делом — сочинением стихов.

— Но, Аврора, — решительно запротестовал я, — будьте серьёзней, мне не до шуток…

Она повесила трубку. Я повернулся к Тони, без сил откинулся в кресле и стал созерцать уцелевшую катушку для ленты, извлечённую из разбитого автоверса.

— Похоже, я пропал, — сказал я. — Подумать только: «Напишите сами!»

— Она сошла с ума, — согласился Тони.

— В этом её трагедия, — сказал я, понизив голос. — Она во власти навязчивой идеи. Считает себя музой поэзии, сошедшей на землю, чтобы вернуть вдохновение вымирающему племени поэтов. Вчера она вспомнила миф о Меландер и Коридоне. По-моему, эта дама всерьёз надеется, что какой-нибудь молодой поэт отдаст за неё жизнь.

Тони кивнул.

— Аврора упустила из виду одно обстоятельство. Пятьдесят лет назад кое-кто ещё писал стихи сам, но никто уже стихов не читал. Теперь их к тому же никто сам и не пишет. Куда проще пользоваться автоверсом.

Я согласился с ним, хотя Тони в этом вопросе не мог быть вполне беспристрастным. Он принадлежал к людям, глубоко убеждённым, что современные произведения литературы по сути своей не только нечитабельны — их и написать толком нельзя. Автоматический роман, который он «писал», содержал более десяти миллионов слов и, по замыслу, должен был стать одним из гигантских гротесковых творений, которые, словно чудовищные башни, высятся вдоль всего пути развития литературы, повергая в трепет незадачливого путешественника. К несчастью, Тони не озаботился напечатать свой роман, а барабан запоминающего устройства, на котором в виде электронного кода был записан этот шедевр, подвергся уничтожению во время вчерашнего погрома.

В не меньшей степени был огорчён и я. Один из моих автоверсов в течение долгого времени осуществлял транслитерацию Джойсова «Улис-

са» с помощью древнегреческого алфавита — не лишённое приятности академическое упражнение, имевшее целью дать объективную оценку великого романа, выявив степень соответствия его транслитерации языку «Одиссеи» Гомера. Весь этот труд был также уничтожен.

Мы сидели и смотрели на виллу номер пять, залитую утренним солнцем. Ярко-красный «кадиллак» куда-то исчез — по-видимому, Аврора каталась по Алым Пескам, повергая в изумление завсегдатаев кафе, Я вышел на террасу, уселся на перила и поднял трубку телефона.

— Обзвоню-ка я всех, и посмотрим, что можно сделать.

Я набрал первый номер.

Раймонд Майо ответил:

— Написать самому? Пол, ты рехнулся.

Зиро Парис сказал:

— Самому? О чём речь, одной левой. Ха-ха!

Фэрчайлд де Милль сказал:

— Это было бы весьма экстравагантно, но…

Курт Баттеруорт сказал с издёвкой:

— А ты сам-то пробовал? Может, научишь?

Марлен Макклинтик сказала:

— Милый, я не решусь на такое — а вдруг это приведёт к гипертрофии какой-нибудь мышцы.

Как я тогда буду выглядеть?

Сигизмунд Лютич сказал:

— Нет, старина, я всё это бросил. Занимаюсь электронной скульптурой. Ты представь себе — плазменные модели космических катастроф…

Робин Сондерс, Макмиллан Фриболи и Анжел Пти сказали просто:

— Нет.

Тони принёс мне бокал «мартини», и я продолжал обзванивать поэтов. Наконец я сдался.

— Бесполезно, — сказал я. — Никто больше сам стихов не пишет. Надо смотреть правде в глаза. Да и чего ждать от других, когда сами ничего не можем.

Тони ткнул пальцем в записную книжку.

— Остался один — давай позвоним для очистки совести.

— Тристрам Колдуэлл, — прочёл я. — А, робкий юноша с фигурой атлета. У него вечно какие-то неполадки в автоверсе. Что ж, попробуем.

В трубке зазвучал нежный женский голос:

— Тристрам? Ах да, надо думать, здесь.

Послышались звуки любовной возни. Аппарат пару раз шлёпнулся на пол. Наконец трубку взял Колдуэлл.

— Привет, Рэнсом. Чем могу быть полезен?

— Тристрам, — сказал я, — насколько я понимаю, вчера тебе, как и многим другим, нанесли неожиданный визит. В каком состоянии твой автоверс?

— Автоверс? О, в превосходном.

— Что?! — заорал я. — Твой автоверс цел? Тристрам, сосредоточься и слушай меня внимательно.

Я кратко изложил ему суть дела. Неожиданно он рассмеялся.

— Вот потеха, а? Славная шутка. А ведь она права — не пора ли вернуться к старому доброму ремеслу…

— К чёрту старое доброе ремесло, — остановил я его. — Для меня сейчас главное — успеть сверстать номер. Если твой автоверс исправен — мы спасены.

— Хорошо, Пол, подожди минутку, я взгляну на аппарат. Последние дни мне было не до него.

По звуку шагов и нетерпеливым крикам девицы, которой Колдуэлл отвечал издалека, мне показалось, что он вышел во двор. Хлопнула дверь, послышался странный шум, будто рылись в куче металлолома. «Странное место выбрал Тристрам для автоверса», — подумал я. В трубке что-то громко застучало.

Наконец Тристрам вернулся к телефону.

— Извини, Пол, но, похоже, она и меня навестила. Автоверс разбит вдребезги. — Он подождал немного, пока я изливал душу в проклятиях, потом сказал: — Она всерьёз1 говорила насчёт стихов, написанных вручную? Ведь ты о них хотел спросить?

— Да, — сказал я. — Поверь, Тристрам, я готов напечатать всё что угодно, если только Аврора одобрит. Не завалялось ли у тебя чего-нибудь из старого?

Тристрам усмехнулся.

— Представь, старина, завалялось. Я уж отчаялся это напечатать, но теперь рад, что не выбросил. Сделаем так — я тут кое-что подправлю и завтра тебе пришлю. Пяток сонетов, парочка баллад — я думаю, тебя это заинтересует.

* * *

На следующее утро я открыл пакет, присланный Колдуэллом, и уже через пять минут понял, что он пытается нас надуть.

— Знакомая работа, — сказал я Тони. — Уж этот лукавый Адонис. Абсолютно те же ассонансы и женские рифмы, та же плавающая цезура — знакомый почерк: изношенная головка печатающего

блока и пробитый конденсатор выпрямителя. Я не первый год сглаживаю эти огрехи. Стало быть, его автоверс всё-таки работает!

— Что ты намерен делать? — спросил Тони. — Ведь он будет всё отрицать.

— По всей видимости. Впрочем, этот материал можно пустить в дело. В конце концов пусть весь номер состоит из стихов Тристрама Колдуэлла.

Я принялся засовывать листки в конверт, чтобы отнести Авроре, как вдруг меня осенило.

— Тони, есть гениальная идея. Прекрасный способ излечить эту ведьму от наваждения, а заодно отомстить ей. Подыграем Тристраму и скажем Авроре, что все эти стихи действительно написаны вручную. Стиль у него архаичный, темы — как раз в её вкусе. Ты только послушай: «Поклонение Клио», «Минерва 231», «Молчание Электры». Аврора разрешит всё это печатать, к концу недели будет тираж, а потом — подумать только! — вдруг выясняется, что эти вирши, рождённые якобы в смятенной душе Тристрама Колдуэлла, суть не что иное, как размноженный типографским способом продукт неисправного автоверса, пустейшая болтовня неухоженного компьютера!

— Потрясающая идея! — радостно воскликнул

Тони. — Аврора получит урок на всю жизнь. Думаешь, она попадётся на эту удочку?

— Почему бы и нет? Ведь она вполне искренне верит, что все мы дружно сядем за стол и из-под наших перьев выйдет целая серия образцовых поэтических упражнений в классическом стиле на темы «Ночь и день», «Зима и лето» и тому подобное. Что бы ни дал ей Колдуэлл, Аврора с восторгом одобрит его продукцию. К тому же наш договор распространяется только на один выпуск и отвечает за него она. Нужно же ей где-то доставать материал.

Мы тут же приступили к осуществлению своего замысла. Днём я замучил Тристрама рассказами о том, в какой восторг пришла Аврора от его стихов и как она жаждет увидеть другие его произведения. На следующий день поступила вторая партия: все стихи Колдуэлла были, к счастью, написаны от руки, и поблёкшие чернила даже нам давали повод усомниться, что текст лишь накануне вышел из автоверса. Мне, впрочем, это было на руку, ибо усиливало иллюзию самостоятельности Тристрама. Радости Авроры не было предела, и она не выказывала ни малейших подозрений. Лишь сделала несколько несущественных замечаний, однако на каких-либо

изменениях не настаивала.

— Но мы всегда перерабатываем текст при подготовке к печати, — сказал я Авроре. — Подбор образов в оригинале не может быть безупречным, к тому же количество синонимов в данном тезаурусе слишком велико… — Спохватившись, что болтаю лишнее, я поспешил добавить: — Будь автор человек или робот — принцип редакторской работы не меняется.

— Вот как? — сказала Аврора, не скрывая иронии. — Тем не менее мы оставим всё так, как написал мистер Колдуэлл.

Я не счёл нужным подчёркивать очевидную порочность её позиции — просто взял одобренные ею рукописи и поспешил к себе. Тони тем временем висел на телефоне, выуживая из Тристрама новые стихи. Прикрыв трубку рукой, он подозвал меня.

— Тристрам скромничает. По-моему, хочет повысить ставку до двух процентов за тысячу. Уверяет, что у него больше ничего нет. Может быть, вывести его на чистую воду?

Я покачал головой.

— Опасно. Если Аврора узнает, что мы замешаны в этом обмане, она может выкинуть какой-нибудь фокус. Дай-ка я поговорю с ним.

Я взял трубку.

— Тристрам, в чём дело? Сроки поджимают, а у нас не хватает материала. Укороти строку, старина, к чему тратить ленту на александрийский шестистопник?

— О чём ты, Пол? Я — поэт, а не фабрика. И пишу только тогда, когда у меня есть что сказать и как.

— Всё это прекрасно, — возразил я, — но у меня ещё пятьдесят пустых полос и всего несколько дней в запасе. Ты прислал мне материала на десять полос — так продолжай работать. Сколько ты сделал сегодня?

— Работаю над сонетом — по-моему, там есть удачные находки. Кстати, он посвящён Авроре.

— Превосходно, — сказал я. — Обрати внимание на лексические селекторы. И помни золотое правило: идеальное предложение состоит из одного слова. Что ещё у тебя есть?

— Ещё? Больше пока ничего. На отделку сонета уйдёт неделя, а может быть и год.

Я чуть не проглотил телефонную трубку.

— Тристрам, что случилось? Ты не заплатил за электричество? У тебя отключили свет?

Колдуэлл, не ответив, повесил трубку.

— Один сонет в день, — сказал я Тони. — Боже правый, не иначе как он перешёл на режим

ручного управления. Полный идиот — в этих устаревших схемах чёрт ногу сломит.

Оставалось только ждать. Следующее утро не принесло новых поступлений, ещё через день — снова ничего. К счастью, Аврору это ничуть не удивило. Напротив, спад продуктивности Тристрама её порадовал.

— Даже одного стихотворения хватит, — сказала она. — Ведь это завершённое, самодостаточное высказывание — ничего не нужно добавлять. Запечатлена ещё одна частица вечности.

Аврора задумчиво разглаживала лепестки гиацинта.

— Быть может, его следует как-то поощрить? — сказала она.

Было ясно, что Аврора хочет встретиться с Тристрамом.

— Почему бы вам не пригласить его к обеду? — предложил я.

Она просияла.

— Так я и сделаю. — Она протянула мне телефонный аппарат.

Набирая номер Колдуэлла, я ощутил прилив зависти и разочарования. Знакомые рисунки на фризе по-прежнему рассказывали легенду о Меландер и Коридоне, но я был слишком занят

своими мыслями, чтобы почувствовать приближение трагических событий.

В последующие дни Тристрам и Аврора были неразлучны. По утрам горбун шофёр на огромном «кадиллаке» отвозил их в Лагун-Уэст к заброшенным площадкам для киносъёмок. По вечерам, когда я в одиночестве сидел на своей террасе, глядя на сияющие во тьме огни виллы номер пять, до моего слуха через песчаный пустырь доносились обрывки их беседы и едва различимые хрустальные звуки музыки.

Я бы покривил душой, сказав, что их связь возмутила меня, — оправившись от первого приступа разочарования, я стал ко всему этому совершенно равнодушен. Коварная пляжная усталость одолела меня, я погрузился в предательское оцепенение, надежда и отчаяние в равной степени притупились.

Впрочем, когда через три дня после первой встречи Тристрама и Авроры они предложили нам всем поехать в Лагун-Уэст на охоту за песчаными скатами, я с радостью согласился, желая понаблюдать за этой парой вблизи.

Когда мы отправились в путь, ничто не предвещало дурного. Тристрам и Аврора сели в «кадиллак»; мы с Раймондом Майо ехали сле-

дом в «шевроле» Тони Сапфайра. Через голубое стекло заднего окна «кадиллака» было видно, как Тристрам читал Авроре очередной, только что завершённый сонет. Выйдя из машин, мы двинулись к абстрактным кинодекорациям, установленным у лабиринта песчаных наносов. Тристрам и Аврора держались за руки. В белом костюме и белых пляжных туфлях Тристрам выглядел точь-в-точь как щёголь времён Эдуарда VII на лодочной прогулке.

Шофёр нёс корзины с едой, а Раймонд Майо и Тони — гарпунные ружья и сети. За песчаными барьерами мы увидели тысячи замерших в спячке скатов, их змеиные тела лоснились на солнце.

Мы расположились под тентом, и Раймонд с Тристрамом составили план охоты. Затем гуськом, держась на расстоянии друг от друга, мы стали спускаться к лабиринту. Тристрам вёл Аврору под руку.

— Тебе приходилось охотиться на скатов? — спросил он меня, когда мы вошли в одну из нижних галерей.

— Никогда, — сказал я. — Сегодня я наконец увижу, как это делается. Ты, я слышал, в этом деле мастак.

— Что ж, если повезёт, уцелею, — он показал

на скатов, прилепившихся к карнизам у нас над головами. При нашем приближении они взмывали в небо с громкими хриплыми криками. В тусклом свете было видно, как высовываются из кожистых складок белые жала. — Если их особенно не тревожить, они обычно держатся на расстоянии, — сказал Тристрам. — Всё искусство и состоит в том, чтобы их не вспугнуть. Выбираешь одного и потихоньку подбираешься к нему, а он сидит себе и таращится, пока не подойдёшь на расстояние выстрела.

В узкой щели метрах в десяти справа от меня Раймонд Майо обнаружил крупный пурпурный экземпляр. Раймонд медленно двинулся в сторону ската, убаюкивая его низким гудением и не спуская глаз с угрожающе высунутого жала. Выждав, когда скат немного успокоился и втянул своё оружие, Майо осторожно подошёл поближе, остановился метрах в двух от ската и тщательно прицелился.

— Как это ни странно, — прошептал Тристрам, обращаясь ко мне и Авроре, — но на самом деле Майо сейчас находится в полной власти ската. Если тот решит напасть, Раймонд окажется совершенно беззащитным.

Раздался выстрел. Стрела попала скату в позво-

ночник, и он был мгновенно парализован. Раймонд быстро сунул его в сеть, где через несколько секунд скат ожил, забил чёрными треугольными крыльями, а потом вновь замер.

Мы двигались по галереям и сводчатым пещерам, небо то пропадало, то открывалось узким далёким зигзагом. Протоптанные тропинки вели нас к подножью этого песчаного города. Поднимающиеся в воздух скаты касались крыльями стен, и струи мелкого песка низвергались на наши головы. Раймонд и Тристрам подстрелили ещё нескольких скатов, и шофёр нёс сети с их неподвижными телами. Мало-помалу наша компания разделилась. Тони, Раймонд и шофёр пошли по одной тропе, а я остался с Авророй и Тристрамом.

Я заметил, что выражение лица Авроры стало более сосредоточенным, а движения — энергичнее и точнее. Мне показалось, что, идя с Тристрамом под руку, она внимательно следит за своим спутником, поглядывая на него искоса.

Наконец мы достигли самого нижнего помещения лабиринта — сводчатого зала, от которого спиралями поднимались вверх десятки галерей. Под сводами, во мраке, недвижно висели тысячи скатов. Лишь их фосфоресцирующие жала то

появлялись, то исчезали в кожистых складках.

Метрах в шестидесяти от нас, в противоположном конце зала, появились Раймонд Майо и шофёр — туда их вывела одна из галерей. Несколько секунд они стояли в ожидании. Вдруг я услышал крик Тони. Раймонд выронил из рук ружьё и скрылся в галерее.

Пробормотав извинения, я бросился бегом через весь зал. Они стояли в узком коридоре, вглядываясь в темноту.

— А я говорю тебе, — настаивал Тони, — этот дьявол пел, я собственными ушами слышал.

— Быть того не может, — сказал Раймонд.

Поспорив ещё немного, они решили отказаться от поисков таинственного поющего ската и вернулись в зал. И тут я углядел, как шофёр что-то прячет в карман. Этот горбун с крючковатым носом и безумными глазами, увешанный сетками, в которых извивались скаты, казалось, сошёл с полотна Иеронима Босха.

Перекинувшись парой слов с Раймондом и Тони, я хотел было вернуться к Тристраму и Авроре, но оказалось, что их в подземном зале уже нет. Не зная, в какую из галерей они свернули, я заглянул в каждую по очереди и наконец увидел их: они поднимались по наклонному выступу над моей

головой, плавным изгибом уходящему вверх. Я уже собирался вернуться в зал и отправиться за ними вслед, но случайно обратил внимание на профиль Авроры — на лице её застыло всё то же сосредоточенное, напряжённое выражение. Передумав, я осторожно двинулся по спиральному проходу как раз под ними. Шорох осыпающегося песка заглушал мои шаги. В просветы между сталактитами я время от времени видел Аврору и Тристрама.

Потом, оказавшись буквально в нескольких метрах от них, я услышал слова Авроры:

— Говорят, что песчаных скатов можно приманить пением.

— Хм, зачарованный скат? — спросил Тристрам. — Можно попробовать.

Они пошли дальше, Аврора нежно и проникновенно напевала что-то. Звук становился громче, отражённый сводами и стенами лабиринта, в темноте зашевелились скаты.

Чем ближе мы были к выходу на поверхность, тем больше их становилось. Аврора вывела Тристрама на небольшую залитую солнцем площадку под открытым небом, похожую на арену. Площадку окружали стены метров тридцать высотой.

Потом я потерял своих спутников из виду, вернулся в галерею и по внутреннему склону поднялся на следующий уровень. Отсюда мне было видно всё, что происходило на арене.

Жуткий пронзительный вопль заполнил песчаный лабиринт. Монотонный и всепроникающий одновременно, он походил на те ужасные звуки, которые слышат эпилептики, перед тем как забиться в припадке. Внизу, на арене, Тристрам зажал уши ладонями, взгляд его метался по стенам, пытаясь обнаружить источник звука. На Аврору он больше не смотрел — та застыла за его спиной в позе медиума, погружённого в транс, опустив неподвижные руки с обращёнными вверх ладонями.

Я стоял, заворожённый её позой, как вдруг с нижних уровней лабиринта до меня донёсся леденящий душу крик, потом — беспорядочные хлопки кожистых крыльев, и из нижних галерей вырвалась целая туча скатов. Над самой ареной, потеряв ориентацию и почти касаясь голов Тристрама и Авроры, они превратились в сплошную движущуюся массу.

Аврора наконец очнулась и испуганно закричала, пытаясь отогнать скатов. Тристрам снял соломенную шляпу и яростно отмахивался от

них, свободной рукой стараясь защитить свою спутницу. Вместе они отступали к узкой щели в стене, открывавшей путь к спасению через галереи противоположной стороны лабиринта. Подняв голову, я с удивлением увидел на краю отвесного выступа приземистую фигуру шофёра. При нём не было ни сетей, ни ружья, и он пристально наблюдал за происходящим на арене.

Тем временем сотни скатов, мечущихся над ареной, почти совершенно скрыли от меня Тристрама и Аврору. Потом я вновь увидел, как она показалась из прохода в стене, в отчаянии качая головой. Путь к спасению отрезан! Тристрам жестом приказал ей опуститься на колени, затем выпрыгнул на середину арены и яростно замахал шляпой, пытаясь отогнать скатов от Авроры,

На несколько мгновений ему это удалось. Скаты разлетелись, как гигантские осы. Но, к ужасу своему, я увидел, что они тут же снова устремились к Тристраму. Не успел я предупредить его об опасности, как он упал. Скаты пикировали, зависали над распростёртым телом, затем разлетались и, наконец — словно получив свободу, — взмыли в небо.

Тристрам остался лежать ничком. Его белокурые волосы рассыпались по песку, руки были

неестественно вывернуты. Мгновенность свершившейся трагедии ошеломила меня. Я перевёл взгляд с Тристрама на Аврору.

Она тоже смотрела на распростёртое тело, но лицо её не выражало ни ужаса, ни даже сожаления. Подхватив юбку, она повернулась и исчезла в проходе.

Так, значит, проход всё же свободен! Потрясённый, я сообразил: Аврора умышленно сказала Тристраму, что проход к галереям закрыт, заставив его вступить в бой со скатами.

Через минуту она появилась на галерее верхнего яруса. Рядом с нею вырос шофёр в чёрном мундире. Глянув вниз, на неподвижное тело Тристрама, они скрылись из виду.

Я кинулся вдогонку, крича во весь голос и надеясь, что меня услышат Тони и Раймонд. Гулкое эхо заполнило нижние галереи. Добежав до выхода из лабиринта, я увидел, как в сотне метров от меня Аврора и шофёр садились в «кадиллак». Взревев, машина рванула с места и исчезла за декорациями киносъёмочной площадки, подняв целую тучу пыли.

Я побежал к машине Тони. Когда я достиг цели, «кадиллак» был уже примерно в километре от лабиринта и мчался через дюны, как преследу-

емый дракон.

Больше я никогда не видел Аврору Дей. Я гнался за ними до шоссе, ведущего к Лагун-Уэсту, но там, на магистрали, мощный «кадиллак» легко оторвался от меня, и километров через десять я окончательно потерял его из виду. У заправочной станции на развилке Алые Пески — Красный Пляж я спросил, не видел ли кто красный «кадиллак». Двое заправщиков ответили утвердительно, но оба клялись, что интересующая меня машина двигалась мне навстречу. Не иначе волшебство Авроры сбило их с толку.

Я решил проверить, не вернулась ли Аврора домой, и поехал в сторону Алых Песков, проклиная себя за то, что вовремя не почуял неладное. Как же это я, считающий себя поэтом, столь несерьёзно отнёсся к фантазиям другого поэта? Ведь Аврора недвусмысленно предсказывала смерть Тристрама.

Дом номер пять по Звёздной улице был тих и пуст. Скаты покинули аллею, чёрные стеклянные двери были распахнуты, по пыльному полу несло обрывки лент. В коридоре и гостиной царил мрак, только белые карпы слабо светились в бассейне. Воздух был неподвижным и затхлым, будто в доме долгие годы никто не жил.

Я пробежал взглядом по фризу гостиной и убедился, что теперь мне знакомы лица всех персонажей. Сходство — почти фотографическое. Тристрам был Коридоном, Аврора — Меландер, шофёр — богом Паном. Среди прочих персонажей я узнал себя, Тони Сапфайра, Раймонда Майо и других обитателей Звёздной улицы.

Оторвавшись от рисунков, я обошёл бассейн и направился к выходу. Вечерело. Через открытые двери виднелись далёкие огни Алых Песков. В лучах фар идущих по Звёздной автомобилей вспыхивали стеклянные чешуйки на кровле моей виллы. Когда я спускался с крыльца, порыв ветра пронизал дом и захлопнул за мной дверь — по вилле разнёсся громкий гул, поставив последнюю точку во всей этой цепи чудес и несчастий. Уходящая колдунья бросила прощальную реплику.

Я шёл через пустыню, смело наступая на последние обрывки лент, сопровождавших меня, — быть может, этот жест символизировал мою попытку вернуться в реальный мир. Фрагменты безумных стихов Авроры Дей ловили свет засыпающей вечерней пустыни и — гибнущие осколки грёз — рассыпались под моими ногами.

В моём доме горел свет. Я поспешил войти и, к

своему изумлению, обнаружил на террасе облачённого в белый костюм Тристрама Колдуэлла. Держа бокал со льдом, он лениво развалился в кресле. Одарив меня дружелюбным взглядом, Тристрам подмигнул и, прежде чем я успел открыть рот, прижал палец к губам.

Я подошёл ближе и хрипло зашептал:

— Тристрам, я думал, ты погиб. Скажи, Бога ради, что там произошло?

Он улыбнулся.

— Прости, Пол, я подозревал, что ты за нами следишь. Аврора уехала?

Я кивнул:

— Я не смог угнаться за их «кадиллаком». Так тебя не ужалил скат? Когда ты упал, я решил — это конец.

— Аврора тоже так решила. Вы очень мало знаете о песчаных скатах. В эту пору их жала безвредны. Иначе кто бы нас в лабиринт пустил? — Он усмехнулся. — Тебе знаком миф о Меландер и Коридоне?

Я рухнул на стул рядом с Колдуэллом. Через две минуты я уже знал, как было дело. Аврора рассказала Тристраму легенду, и он, отчасти из сочувствия, отчасти шутки ради, решил сыграть роль Коридона. Говоря о смертельных укусах и

злобных повадках песчаных скатов, он провоцировал Аврору, подсказывал ей прекрасный способ совершения жертвенного убийства.

— Это и было убийством, — сказал я. — Поверь мне — я видел, как блестели её глаза. Она хотела твоей смерти.

Тристрам пожал плечами.

— Не удивляйся этому, старина, — сказал он. — В конце концов поэзия — дело серьёзное.

Ни Раймонд, ни Тони Сапфайр ничего не знали о случившемся. Тристрам сочинил историю о том, что у Авроры был внезапный приступ клаустрофобии и она в страхе умчалась прочь от лабиринта.

— Интересно, — задумчиво сказал Колдуэлл, — что она предпримет? Пророчество её сбылось. Может быть, теперь она уверует в свою красоту. Ведь до сих пор она страдала сильнейшим комплексом физической неполноценности. Как и Меландер, для которой самоубийство Коридона явилось полной неожиданностью, Аврора не отделяла любимого искусства от собственного «я».

Я кивнул.

— Надеюсь, она не будет слишком разочарована, узнав, что поэзия по-прежнему создаётся отвратительным компьютерным способом. Кста-

ти, мне всё ещё нужно заполнить целых двадцать пять полос. Твой автоверс в порядке?

— У меня больше нет автоверса. Я разбил его в то утро, когда ты мне позвонил. Да я им уже который год не пользуюсь.

Я подскочил в кресле.

— Как! Все эти сонеты, что ты присылаешь, написаны тобой самим?

— Именно, старина. Каждая строчка рождена в муках душевных.

У меня вырвался стон отчаяния.

— Я-то думал, твой автоверс меня спасёт. Боже, где выход?

Тристрам усмехнулся.

— Начинай писать стихи. Вспомни её пророчество — кто знает, может быть, оно и сбудется. В конце концов, Аврора ведь думает, что я умер.

Я от души выругался.

— Будь от твоей смерти прок, я бы пожалел, что ты остался жив. Ты даже не представляешь, во что мне это обойдётся.

Когда он ушёл, я отправился в кабинет и собрал все оставшиеся стихи. Для номера не хватало двадцати трёх страниц. Странное совпадение: ровно столько поэтов обитало в Алых Песках. Правда, ни один из них — кроме Тристрама Колдуэлла

— не был способен сочинить самостоятельно хотя бы строчку.

Наступила полночь, но мне было не до сна — для решения проблем «Девятого вала» была дорога каждая минута из тех двадцати четырёх часов, что мне ещё оставались. Я уже почти решился сам написать хоть что-нибудь, когда зазвонил телефон. «Неужели Аврора?» — подумал я, услышав высокий женоподобный голос. Но это был Фэрчайлд де Милль.

— Ты что не спишь? — заворчал я в трубку. — Не теряй драгоценных минут первого сна.

— Для этого есть причины. Пол, сегодня со мной произошло нечто удивительное. Ты всё ещё ищешь материал, написанный вручную? Два часа назад я сел за стол, и — представь себе! — не так уж плохо получается. Кстати, моя героиня — Аврора Дей. Мне кажется, эта вещица тебе придётся по вкусу.

Я поздравил его в преувеличенно восторженных выражениях и записал количество строк.

Телефон вновь зазвонил через пять минут. На сей раз это был Анжел Пти, который, как выяснилось, тоже сочинил несколько стихотворений и выражал уверенность, что они мне понравятся. Все они также были посвящены Авроре Дей.

В последующие полчаса телефон звонил раз десять. Бодрствовали все поэты Алых Песков. Макмиллан Фрибоди, Робин Сондерс и все остальные по какой-то таинственной причине ощутили вдруг непреодолимую потребность самостоятельно написать что-нибудь этакое, в результате чего в считанные минуты создавались стихи, посвящённые Авроре Дей.

Я продолжал размышлять об этом, когда, в последний раз повесив трубку, поднялся из-за стола. На часах было двенадцать сорок пять. Казалось бы, пора и устать, но моя голова была свежей и ясной. В ней носились тысячи идей. Вдруг сама собой сложилась поэтическая строка, Я немедленно записал её в блокнот.

Время исчезло. Через пять минут я закончил первую часть стихотворения, которое пытался написать более десяти лет. Ещё дюжина стихов, подобно драгоценному металлу в золотоносной жиле, томились в мозгу, ожидая, когда их извлекут на свет божий.

Сон подождёт. Я потянулся за листком бумаги и тут заметил на столе письмо — мой заказ на три новых автоверса фирмы IBM.

Улыбнувшись про себя, я разорвал заказ на мелкие клочки.

J.G.Ballard. "Studio 5, the Stars", 1961
Сб. Джеймс Грэм Баллард. "Утонувший великан", М.: Известия, 1991 г
Перевод Владимира Генкина